

Г.Н.Кондратюк

*Национальный педагогический университет им.Драгоманова
(г.Киев)*

ВЛИЯНИЕ ГОЛОДА НА ШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НЕМЦЕВ КРЫМСКОЙ АССР В 1921–1923 гг.

Висвітлена діяльність шкіл у німецьких колоніях Криму в умовах голоду. Проаналізований вплив політичних, соціально-економічних чинників на шкільну освіту.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы проанализировать процессы преобразований в немецких школах Крыма в 1921–1923 гг. В данный период этноконфессиональные немецкие школы были преобразованы в советские школы 1-й и 2-й ступени. Указанные изменения в школьном образовании происходили в условиях колоссальных социальных катаклизмов в обществе. Последствия мировой и гражданской войн, экономическая разруха, продразверстка подорвали материальное благополучие колонистов. Наибольшим бедствием явился голод 1921–1922 гг. При подготовке статьи использованы документы Государственного архива Автономной Республики Крым: фонд П.1 – ОК РКП(б); фонд Р.663 – ЦИК Крымской АССР; фонд Р.460 – НК РКП; фонд Р.4025 – Евпаторийский ОНО, а также издания рассматриваемого периода. Данная тема статьи не являлась предметом исследования современных историков.

В ноябре 1920 г. в Крым вошли части Красной Армии под командованием М.В.Фрунзе. Коренной структурной реорганизации подверглась система органов власти и управления бывшей Таврической губернии. В составе ревкома Крыма был создан отдел народного образования – Крымнаробраз. Установление советской власти привело к реорганизации системы школьного образования. Изменились не только названия школ, но и их планы и программы, сроки обучения, постепенно изменялся состав преподавателей. Коренным образом была видоизменена концепция воспитания, понимание роли и места школы в обществе.

К 1920 г. в немецких колониях Крыма сложилась широко разветвленная структура школьного образования, отличающаяся определенной степенью разнообразия. В немецких школах обучались как мальчики, так и девочки, в отличие, например, от крымскотатарских этноконфессио-

нальных учебных заведений. Школы были лютеранские, римско-католические, меннонитские. В этих начальных школах курс обучения был рассчитан на семь лет. Учебники были на немецком языке, многие книги имели религиозное содержание. Немецкая молодежь могла продолжить обучение в центральных училищах. Их в Крыму насчитывалось пять.

Политическая ситуация, социально-экономические процессы негативно сказались на состоянии немецких колоний. В Крыму была развернута широкомасштабная кампания продразверстки. Немецкие колонии стали объектом по выкачиванию хлеба. Жесточайшая кампания продразверстки лишила школы материальной базы для работы и подорвала экономическое благополучие колонистов. Продразверстка явилась основной причиной разразившегося в Крыму в 1921–1922 гг. голода.

На VI областной конференции РКП(б), проходившей в Симферополе 13–16 марта 1922 г., в докладе, посвященном борьбе с голодом, секретарь обкома Ю.Гавен констатировал: «Голод здесь проявился в очень резких формах, он не уступает голоду в Поволжье»¹. Установить точную цифру количества погибших от голода весьма сложно. Но, вероятно, наиболее точные данные приведены Б.П.Вологдиным в юбилейном сборнике «Весь Крым». Б.П.Вологдин указывает, что число умерших в 1922 г. составило 100–110 тысяч человек, из них 50–55 тысяч горожан, приблизительно такое же количество жителей сел и 50 тысяч выехало за пределы Крыма. Сокращение численности населения в 1922 г. в городах составило 24,6%, в селах – 18%².

Голод в Крыму явился настоящей гуманитарной катастрофой. Сильнее всего от голода пострадала социальная сфера, учебные заведения. Голод привел к гибели многих тысяч детей. Установить точную цифру числа погибших детей не представляется возможным из-за несовершенства статистических данных. Так, в статье за 1923 г. «Голод в Крыму» Г.Куценко отмечал: «В Крыму среди сельского населения вымерло от голода 51 612 человек, в числе коих детей 21 296... Среди голодающих больше половины повсеместно приходится на долю детей до 16-летнего возраста». Далее автор указывает на количество погибших от голода в немецких колониях: «Умерло немцев 1 506, в том числе 827 детей, или 54,94% к числу умерших вообще»³. В целях борьбы с голодом немецкая секция крымского ОК РКП(б) совместно с НКП Крымской АССР начала оборудовать немецкий детский дом в Симферополе. Для его материального обеспечения была проведена кампания сбора пожертвований в немецких колониях⁴. Однако голодающее население многого выделить не могло. Положение в детских домах и приютах Симферополя было катастрофическое. Комиссия НК РКП, обследовавшая детские приюты в 1922 г.

в Симферополе, в своем отчете так описывает увиденное: «Коллектор на Пушкинской ул. Вход со двора ведет в сенцы, для слабых и больных, где обнаружены на топчане под грязным тряпьем 2 детских трупа, лежавших рядом с живыми,— умерли они сегодня утром от истощения. Всех детей 402. Помещены они страшно тесно, вповалку. Из заболеваний здесь преобладают тиф, скарлатина, корь. Ни белья, ни вообще никаких абсолютно запасов не имеется... Персонал работает при чудовищных условиях, как они говорят, за полфунта хлеба... Все осмотренные учреждения представляют неописуемую, тяжелую картину одного сплошного ужаса»⁵.

Помощь государства голодающим детям приходила с опозданием и была недостаточной. Поэтому инициативная группа колонистов обратилась за помощью в Германию. В письме от 17 октября 1921 г., присланном из Берлина Католическим обществом помощи немцам-колонистам Черноморского района Советской России, указывалось: «Мы... рассматриваем Ваше обращение к нам, как просьбу помочь Вам и мы приложим все усилия, чтобы быть в состоянии помочь, притом без различия лютеранам или католикам»⁶. Однако инициатива была пресечена со стороны властей. Значительную роль в этом сыграла немецкая секция крымского ОК РКП(б). В отчете немецкой секции констатировалось: «Существовал, но закрыт за контрреволюционную деятельность и шантаж на почве голода «Бундестрой», т.е. Крымский Союз Южно-Русских колонистов граждан германской расы. Союз с гражданским уставом, возникший по инициативе группы городских докторов (из балтов), спекулянтов (тоже из балтов) и католического духовенства, успевших путем шантажа на почве голода в короткий срок стать массовым союзом (35 000) человек»⁷. Названным шантажом было названо желание немецких семей в экстремальных условиях голода выехать в Германию. Политические, классовые приоритеты взяли верх в работе немецкой секции над стремлением сохранить жизни людей.

С усилением голода, пик которого в Крыму пришелся на весну 1922 г., сокращалась школьная работа. В отчете крымскому Совету труда и обороны констатировалось: «Но с истощением продовольственных ресурсов, с усилением голодания населения — учебное дело стало быстро расстраиваться: голодающие дети перестали посещать школы, голодающие родители, которые в силу закона 16 сентября 1921 г. должны были продовольствовать сельских учителей, не в состоянии были выполнить своих обязанностей. Среди учителей началось повальное бегство из школ. Последние оставляются, в большинстве случаев, на произвол судьбы вместе со школьным имуществом, библиотеками и школьными пособиями. Имущество некоторых школ расхищается, все деревянное идет на топливо вплоть до разбирания самого здания»⁸. При этом школы различных национальностей пострадали от голода в неодинаковой степени.

Данный факт объясняется местом представителей определенной национальности в социальной структуре общества, материальным достатком: «Если где и происходят занятия, то эти занятия крайне нерегулярны, производятся с большими перерывами. Устойчивее всего школы немецкие, процент совершенно закрывшихся школ не велик; далее идут школы русские, что же касается татарских школ, то последние закрылись почти повсеместно»⁹.

Однако закрывались и немецкие школы Крыма. В 1922 г. количество немецких школ первой ступени сократилось с 280 до 150. Причина закрытия школ состояла в том, что государство сняло с себя обязательство финансирования учебных заведений, переложив его на жителей сел, т.н. самообложение. Но немецкие колонии были разорены закончившейся гражданской войной, реквизициями продовольствия, голодом и выделить ничего не могли: «Более 60% работников просвещения переведено с государственного продовольственного снабжения на продпаяк из фондов по самообложению сельского населения в силу постановления СНК РСФСР от 15 сентября 1921 г. об обложении сельского населения на нужды народного просвещения... Для Крыма в его обстановке кошмарного голода в деревне является постановлением нежизненным и невыполнимым»¹⁰. Наркомпрос Крымской АССР в немецких селах проводил т.н. «договорную кампанию». По заключенному договору жители должны были содержать школу, ремонтировать здание, снабжать топливом, закупать учебники. При этом оплата труда учителя существенно отличалась в зависимости от материального достатка колонистов. Так, в августе 1923 г. в Джанкойском округе учителя немецких школ получали от 160 до 300 пудов зерна за год.

В 1923 г., когда пик голода прошел, в Крымской АССР работало 150 немецких школ 1-й ступени и 5 школ 2-й ступени¹¹. Количество учащихся в немецких школах 2-й ступени существенно уменьшилось. Обеднение населения привело к упадку этих школ. Плата за учебу в школах повышенного типа была весьма значительной. Так, в 1923 г. в Нейзацкой школе она в месяц с каждого ученика составляла: 4 пуда пшеницы, 1 пуд ржи, 3 фунта жиров, 3 фунта фасоли, 5 фунтов проса, 3 фунта соли, 1 фунт мыла. Плата на учебники состояла из 2 овец 70 фунтов живого веса¹².

Изменения произошли не только в объеме и источниках материального снабжения школ, но и в организации, порядке осуществления учебного процесса. В рассматриваемый период, особенно в 1921 г., Наркомпрос стремился оказать влияние на духовный аспект школьной работы. С этой целью в 1921 г. были проведены немецкие уездные учительские конференции. Так, в работе немецкой учительской конференции Евпаторийского уезда, проходившей 12 сентября

1921 г., приняло участие 19 педагогов, было выдвинуто предложение о создании местных комитетов немецких учителей: «... Основной целью работ в месткомах должно быть пробуждение и поощрение чувства коллегиальности между учительством и взаимное усовершенствование в области педагогики»¹³. На конференции, проходившей с 5 по 20 июня 1921 г. в Симферополе, немецким учителям «был прочитан цикл докладов по вопросам марксизма, советского строительства и единой трудовой школы»¹⁴. Конференции должны были ознакомить немецких учителей с новой концепцией школьного строительства.

Первая половина 1921 г. отмечена стремлением сотрудничества с новой властью. Причина состоит в том, что в противовес русификаторским тенденциям царского правительства советская власть предоставила определенную свободу национальному творчеству. Период Первой мировой войны был сложным временем в работе немецких школ. Антигерманская кампания затронула и учебные заведения. Сфера использования немецкого языка в учебном процессе сузилась. В отчете немецкой секции ОК РКП(б) отмечалось: «Состоялось 2 областных учительских конференции, одна делегатская, а другая всеобщая, которые прошли обе с громадным успехом. Впоследствии состоялись повсеместно уездные и районные конференции немецких учителей. Так что этой нашей работой было охвачено все учительство до последней деревни. Успех, достигнутый нами в этой работе, легко объясняется тем, что дерусификаторская политика наша в области школы пошла как раз навстречу мечтам, давно лелеянным немецким учительством»¹⁵. Однако немецких учителей оттолкнула от сотрудничества активная антирелигиозная политика. Школы в немецких колониях являлись этноконфессиональными по своему характеру. Грубые административные методы затрагивали глубокие религиозные чувства колонистов: «В колонии Чонграф Бюк-Ояларского района находится духовная меннонитская школа, которая имеет определенный кулацкий душок. Нембюро ОК РКП(б) признало необходимым для уничтожения развращающего влияния ликвидировать эту школу»¹⁶. Партийные пропагандисты стремились привлечь на свою сторону немецкую молодежь. Во всех школах 2-й ступени были организованы митинги политического характера. Так, в январе 1921 г. в Нейзацкой школе представители обкома Мандельбаум, Ратгаумер и Шрайер устроили митинг и доклад на тему «Прошлая жизнь молодежи и ее задачи в будущем»¹⁷. Эти мероприятия вызвали неудовольствие колонистов, так как влияние старшего поколения на молодежь в немецких селах было традиционно очень значительно.

Таким образом, школьное образование у немцев Крыма в рассматриваемый период претерпело существенные изменения. Школы в значительной степени утратили свой этноконфессиональный характер. В не-

мецких начальных учебных заведениях в конце XIX в. курс обучения был рассчитан на 7 лет. Эти школы были трансформированы в советские школы 1-й ступени, в которых срок обучения сократился до 4 лет. Немецкие центральные училища были преобразованы в школы повышенного типа – 2-й ступени. В Крымской АССР их насчитывалось 5: в Цюрихтале, Карасане, Нейзаце, Окречи и Спате. Немецкие школы отличал высокий уровень подготовки педагогов и высокий социальный статус в обществе. Школы являлись центрами культуры, сохраняли язык и этническое самосознание немцев. Голод 1921–1923 гг. являлся гуманитарной катастрофой для немцев Крыма. Он привел к прямым потерям детского населения, являющегося генофондом нации. Был причинен значительный ущерб материально-технической базе школ. Их численность за три года сократилась с 280 до 150, принципиально изменились планы и программы, методы обучения, статус учителя и его роль в общественной жизни. Этноконфессиональный характер немецких школ вступил в противоречие с антирелигиозным курсом РКП(б).

Примечания

¹ *Известия Крымского ОК РКП(б)*. – 1922. – №10. – С.33.

² *Весь Крым*. Юбилейный сборник 1920–1925. – Симф., 1926. – С.38.

³ *Вестник административной жизни Крыма*. – 1923. – №2. – С.36.

⁴ *Государственный архив Автономной Республики Крым*. – Ф.П.1, оп.1, д.292, л.13 об. – Далес: ГААРК.

⁵ Там же. – Ф.Р.460, оп.4, д.144, л.74.

⁶ Там же. – Ф.П.1, оп.1, д.200, л.103.

⁷ Там же. – Д.197, л.142.

⁸ *Отчет Совету труда и обороны, на 1 апреля 1922 г.* – Симф., 1922. – С.181.

⁹ Там же. – С.183.

¹⁰ *ГААРК*. – Ф.Р.663, оп.1, д.82, л.34.

¹¹ Там же. – Ф.П.1, оп.1, д.292, л.36.

¹² Там же. – Л.42.

¹³ Там же. – Ф.Р.4025, оп.1, д.37, л.1.

¹⁴ Там же. – Ф.П.1, оп.1, д.105а, л.45.

¹⁵ Там же. – Д.199, л.2 об.

¹⁶ Там же. – Д.105а, л.190.

¹⁷ Там же. – Д.106а, л.156.

Надійшла до редколегії 12.01.04